

1924.

13 Апреля. После сильного ночного заморозка солнце взошло в полной силе и так разогрело землю, что от нее сильно парило. Пара жаворонков поднялась с озими, держась друг за друга крыльями с одной стороны, другою парой крыльев поднимались вверх. Горячий полет пары продолжался несколько секунд, после чего самка — верно это была самка? — чуть трянула крылышком, спустилась и тихо-нечко-тихонечко пролетела над самою озимью, вероятно, высматривая местечко, где бы ей снести потом яйцо, а он, самец, с песней поднялся очень высоко и там долго пел, вероятно, прославляя в небесах снесенное на земле его подругой яйцо.

22 Апреля. Нет Эллады, но греки живут и в наше время: значит, жить можно и без Эллады.

А в юности, нашей прежней идеалистической юности, казалось, нельзя жить на земле без такого отечества.

И вот все провалилось — Эллада, Россия, великое отечество, осталось только “есть хочется”, и в этом одном, как бы добыть себе днесь кусочек черного хлеба, был смысл жизни. И хотя бы “Отче наш!” — и “Отче наш” не было: голый кусочек хлеба, вымоченный в рюмочку соли — вот все!

Я теперь понимаю: они были правы, те, кто хотел у нас переменить все, не считаясь с жертвами. Они знали положение и не хватились за призрак Эллады. И они победили, как ветер, устремленный в опустевшее место.

Последний интеллигент оказался на вершине патриотической волны, взмывшей войной с Германией, и тут ему была смерть: революция была ему, как агония.

И потом пошло сплошное: “есть хочется”. Одни как маленькие дети жалуются: “есть хочется, а не дают”, другие требуют сказать “Отче наш”, третьи хладнокровно делают поминальный пирог.

Я принадлежу к тем рабам, кто хочет сказать “Отче наш” и так спасти свою последнюю самость от порабощения. Но факт остается: множество людей жили без всякого “Отче наш”, так же как торгаш-греки живут без Эллады.

1 Мая. Наблюдая токующих тетеревов, токующих, как они захлебываются своей песней-кружением, совершенно забываю о самке, я предполагаю, что и у других животных есть свои певцы-токуны, половая энергия которых исходит в пении, и ток создается как условие совокупления — эротическая атмосфера, и вот где, вероятно, начало ритма и музыки, а не в работе, как у Бюхера.*

Тысячи свидетельств птицеловов есть об исключительных певцах в природе, как и у людей. Вероятно, это же создало и вождей религиозных обрядов, жрецов, да и всяких вождей. И о всех их мы знаем, как правило, что правильная семейная жизнь им несвойственна. Уравнять, как хотят социалисты, этих вождей с “народом”, значит, все равно что уравнять пол и эрос, материю и форму. Эта нелепость коммуны, истинное основание которой есть просто внутреннее наше стремление к соответствию материала и формы: социализм, по существу, есть голос материи, жаждущей формы, явление самой материи о том, что и она живая.

16 Мая. Красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине, кончая любовью к миру и человеку — все остальное уродует человека, приводит его к гибели, то есть к власти над другим человеком, понимаемой как насилие.

18 Мая. “Болото”, — говорят партийцы о том мире, где очень трудно партийному человеку вывести свою линию, где торгуют, наживаются и вообще живут несознательно.

Идеалисты-эсеры с кооперативной идеей подходили к хозяйственно сильному “кулаку” — идеалисты поступали материалистически.

Материалисты хотят подойти с кооперативной идеей к бедному, к бесхозяйственному и поступают идеалистически.

Последствия применения идеи о том, что кухарка может управлять государством, были ужасны.

23 Мая. В русской революции материалистически прогрессивное движение, начатое французской революцией, было доведено до абсурда, до конца: у нас все испробовали и не оставили никаких иллюзий. Этим, вероятно, и будет, главным образом, замечательна наша революция. Ис-

Михаил ПРИШВИН: “Где-то непременно есть хорошая, настоящая Россия”

Литературное наследие Михаила Михайловича Пришвина только сейчас становится достоянием общности: в журнале “Октябрь” печатаются дневники 30-х годов, а с 1991 по 1994 годы в издательстве “Московский рабочий” вышло три тома дневника писателя, которые охватывают период с 1914 по 1922 годы (дождемся ли мы выхода хотя бы следующего четвертого тома, неизвестно, не говоря уж о полном корпусе дневника, который писатель вел ежедневно с 1905 по 1954 год). Иногда мелькают небольшие публикации из дневников разных лет в газетах. Сегодня мы публикуем небольшую часть дневника 1924 года.

Дневник 1924 года, кажется, единственный в корпусе дневника писателя, где мы обнаруживаем запись об искусстве кино, свидетельствующую, что художник в России ощущает не только трудности, связанные с последствиями революции и ее идеологией, но и сложности самого культурного процесса, связанные со сменой типа культуры. В новом, мощно завоевывающем культурное пространство искусстве кино Пришвин видит, во-первых, эстетическое выражение идеи нового мира, в котором циклическое время природной жизни (“бычий век”) сменяется быстрым линейным временем истории, а во-вторых, наступление зрительного образа (как принято теперь говорить, визуального) на словесный, что принципиально меняет положение художника, а именно, развенчивает традиционную в русской культуре миссию художника находиться “в борьбе с веком” и быть “трагической личностью”. “Кино посмеялось над художником” — эта фраза точно выражает суть культурной ситуации, в которой — хочет он того или не хочет — должен определяться художник. Дневник Пришвина — это попытка сложившегося русского писателя адаптироваться в новой культурной ситуации и в современной послереволюционной действительности, сохраняя собственную личность и свое слово.

Художнику с его творческой высоты виден целый мир. Ежедневно с непостижимым упорством лептописца он описывает трагедию современной жизни, отражая ее реалии и в то же время превращая ее в предмет искусства — ужасаясь ей и обживая одновременно; он включает современность в широкий контекст культуры и, глядя сквозь призму целого, обнаруживает в происходящем не только страдания, но и смысл бытия, ведет читателя от безысходности к надежде. В этом и заключается пафос дневника Михаила Пришвина.

торику нашей революции надо всегда держать в уме, что во время выполнения начал социализма с ужасающими последствиями тут же кто-то в среде самих творцов смеялся над всем этим. Все делалось как будто по Марксу, но в тайне нигде так не издевались над ним, этим бородастым человеком. Этот смех, как явление быта, отмечен Горьким, но недостаточно углублен. Жертва — материя, конечно, страдала по всей правде, но соответствия ей в духе не было, потому что там рядом с жрецами-простаками был и смехун, из этого смеха потом вышел “нэлман” и “аппаратчик”.

Серьезно, с верой в лучшее человечество, через социализм и Маркса, как с верой в Христа к старцу, нельзя было подойти: не было такого старца, в каждом старце был смехун (это есть и в глазах Ленина на портретах). Этим и отличается наша революция от французской: та создавала для истории величавые прямые фанатически-героические личности, нашу в личностях невозможно представить (В Москве говорят, что над Лениным уже потихоньку посмеиваются: склеп и прочее).

Подняла земля травы, произвела цветы,

открылось убежище всякой твари под каждым кустом — как хорошо! Слова нет у меня передать, как хорошо, все слова о красоте мира взяли наши отцы церкви и отдали во славу Божию. Все тончайшие мысли и чувства, рожденные аскетами в общении с природой, вошли в церковное благолепие. Так в церкви и сохраняется вся красота мира и то, что я иногда глубоко чувствую и понимаю — все это и отцы понимали, я — их дитя, и, если буду говорить все до конца, я буду только продолжать на деле и воскрешать забытое.

27 Мая. Антирелигиозная проповедь, безбожие и прочее такое, и прочее я считаю как испытание духом (как было испытание огнем): это все вопросы, предъявленные существующей мертвой церкви с тайным требованием: “Будь жив!”.

1 Июня. Трагедия человечества состоит в том, что более утонченные духовно и этим слабые физически обретают власть над физическим человеком и порабощают его. Путем революции или войны физически более сильные, грубые (варвары) свергают своих властелинов и наступают ужасный час истории, когда святейшее в человеке, его личность, попадает под

власть варвара (обезьяны).

3 Июня. Вы знаете кроншнепа? Он вдвое больше вальдшнепа, и он весной при валовом перелете — это он, часто невидимый глазу, до того высоко! — свистит и так, кажется, близко, что вот хоть ружье готовь. Мне приходилось встречаться с ним больше в глухих болотах, очень уединенных, и там-то я наслушался его песен. Нет, он не только свистит, у него много песен, и хотя едва ли где можно слышать такое разнообразие звуков, как в веселых болотах, но без кроншнепа не понять общего смысла этого концерта, точно так же, как и без журавлиного крика. На больших моховых болотах мне не раз приходилось в шалаше на тетеревиных токах ожидать в темноте первого звука, и не всегда, но очень часто это кроншнеп начинал весенний веселый концерт особой своей трелью, совсем не похожей на свист. Особенно хороша бывает его какая-то очень веселая плясовая, когда восходит солнце — славная песенка! Раз я видел из шалаша, как среди черной массы токующих тетеревей уселся серый кроншнеп, как оказалось, самка, к ней прилетел самец и, подержав себя в воздухе взмахом своих ог-

ромных крыльев, начал касаться спины самки и в таком положении пел свою плясую, слышную среди бормотания десятков тетеревей, уносящуюся вслух на несколько верст. И тут, конечно, вокруг весь воздух дрожал от песен разных больших птиц, а болотная лужица при полном безветрии вся волновалась от пробуждавшихся в ней насекомых.

Да, я за то и полюбил эту строгую птицу, что не могу себе без нее представить большого концерта, прелесть которого до сих пор мне не удалось выразить никакими словами.

Странность длинного кривого клюва кроншнепа, которого я вижу иногда, очень редко, близко от меня пролетающим, всегда меня переносит в какие-то давно прошедшие сроки земли, когда не было еще человека, и в воздухе носились теперь совсем забытые существа. И вообще solitude, мало изученные учеными, совсем не тронутые художниками слова, всегда переносят в какое-то довременное бытие.

19 Июня. Туземцы пробовали разорить мое жилище, председатель обвинял, что я оборвал цветы на яблоне, что одна яблоня засохла, что я держу собак и веду буржуазный образ жизни, например, гуляю, потихоньку наештал, что я печатаю листки на машинке. Я отмахивался от него как от слепня, и впервые понял душу слепней и комаров (человек победил животных, и если что осталось среди них вредное, то в этом уже сам человек виноват: эти вши, клопы, тараканы в жилищах, слепни и комары на болотах — все это образы душ человеческих и их дел).

10 Июля. Все от нашей бедности! Так я понимаю все: чуть, бывает, где-нибудь удастся раздобыть лишнее и повеселел. Я долго стыдился этой зависимости, но победил стыд мало-помалу, выработав в себе уверенность, что богатство есть действительно благо и что в нем есть счастье, и если кто богатый несчастлив, то это значит, он духом своим виноват. Я духом своим не виноват, и каждого червонца, притекающего в мою суму, встречаю с такой же радостью, как Авраам высокого гостя, посетившего его хижину.

8 Августа. На верхах все расплылось в тумане, а где-то в низах, в ширине России зреет в бесформенности, в будничной жизни — новая жизнь.

17 Августа. Киню. Восточные люди крах личного усилия объясняют судьбой: судьба! У социалистов судьба — экономическая необходимость, у моралистов — долг, у художников — скука. Больше всех личное начало развито у художников, и потому у них отчетливее определилась эта надличная сила под именем скуки. И в конце концов художник борет скуку обыденности личной волей — в этом и есть чудо искусства и подвиг художника. Художник своей творческой властью преобразует жизнь так, что в ней нет, как будто нет, ни судьбы, ни экономической необходимости, ни долга, ни скуки. Каждый под влиянием искусства поднимает голову повыше, разделяя с автором чувство победителя скуки: в этом и состоит мораль искусства и его полезность. И оно единственно в этом. Но вот кино, которое без всякого личного героизма, чисто машинным путем вынимает из жизни ноющий нерв времени, заставляет фотографии жизни чередоваться быстрее, чем в действительности, и слушателю передается чувство победы над скукой.

Мы знаем, например, в творчестве природы чудесные дни, но их мало: серых дней больше. И знаменитая весна в действительности проходит больше в томительном ожидании. А кино выкинет серые дни, и весна станет прекрасной. Хорош золотой дождь семян при посеве ржи, хороши всходы, хороша земля, и цветение, и наливание, и созревание, и жатва, но все это только моментами, а захотите посмотреть в действительности: две недели колосится, две недели цветет, две наливаются, две созревает — какая скука! А там вся туга выбрасывается, и рождь в кино одну секунду колосится, другую наливают, и на четвертой секунде готова. Да ведь только смотреть в жизни, как мерно жует бычок свою жвачку день и ночь — вых, вых! и так 365 дней — вых, вых! и потом еще столько же, и тогда он делается бык, а хозяин за это время и сам вых-вых — привык, из этого вых делается век, и так стал сам человек, то есть голова, созданная терпеть всю скуку бычьего века. На борьбу с веком выступает художник, и так создается трагическая личность. Кино посмеялось над художником и моралистом, и художество заменилось международной обывательской болтовней.

3 Сентября. Вдруг ясно встала первопричина моего расхождения с коммунистами в практическом деле и отчего, например, мне почти невозможно стало писать журнальные очерки. Вот это что: все явления быта у меня относятся к некоему высшему, универсальному Я, с точки зрения которого общественное явление есть нечто временно преходящее; это не мое индивидуальное "я", а высшая соборная личность. Никогда я не могу согласиться с обратным пониманием. И когда говоришь с коммунистами "вообще", то они как будто и соглашаются с тобой, но на деле у них все против.

12 Сентября. Им был голос, подобный голосу из пылающего куста, что "согласен" — но вот условие: после царя берут власть они сами и только они. Страшный был голос, потому что они думали свергнуть царя и освободить народ, первое было как труд, как туга, второе, как радость: счастье — освободить человечество, которое уже само создаст себе новую хорошую власть. Но голос осуждал на новую страшную тугу: самим убийцам царя должно быть властью, то есть самим разрушить, самим и построить. Они ответили почти без колебаний:

— Да!

И там!

— Се буде!

И вот, презираемые, проклинаемые народом, по трупам растерзанных людей, умерших от голода и болезней, они послали детей-пионеров на голеньких ножках с красными тряпками на палочках будить народы мира к восстанию.

20 Сентября. Может быть, вы видите небо над улицами и что там где-то в конце улицы садится солнце, а вечером из окна смотрите на звезды, и вам рисуются на небе темные очертания гигантских зданий — вы любуетесь городом? У меня этого нет, я сам движусь с утра до вечера, я сам гость этого движения, нет у меня угла, нет у меня времени, я сам движение, кожа творит.

Мне вчера сказали в детском журнале, что рассказы мой замечательный, мне было нечувствительно это, потому что за детские рассказы платят 5 рублей — мало! Но вдруг редактор сказал: за такой рассказ вам заплатят 2 червонца. Я вдруг обрадовался своему рассказу, я перечитал его, я сам себе восхитился. Кассира не было, я упрости выдать мне без кассира.

— Вы уезжаете, куда, зачем?

— В деревню на охоту.

— Очень хорошо, у псовых охотников душа не имеет зла.

21 Сентября. Мое преступление — не пишу дневники. Есть что-то небывалое в мире, в моих полетах в Москву за деньгами: это какое-то продолжение охоты в диких лесах, я не обращаю больше внимания на городское движение, дома, людей, совершенно один, и иногда наклеивается где-нибудь гонорар — там стойка и смысл жизни, и теплота и свет переменяется, когда тащишь в кармане червонцы и весело что-то бормочешь, посвистываешь, напеваешь.

Я совсем больше не цепляюсь за людей, я живу, писатель, как одичалое животное.

Литература просто рассыпалась, кое-какие журналы существуют не внутренним кровавым питанием, а кожей, поверхностно, как бородавка, отщипнешь — и не больно, и все растут. И что сочиняешь, то не из себя, а само выходит, и не чувствуешь, сочинив, силы истекшей.

Сверх ожидания у меня сейчас насобираюсь 20 червонцев, я весь в мечте: поправить печку, купить всем по одеялу (покрываемся пальто) и главное — белью.

Я вот что еще думаю: а, может быть, это вот как я теперь один и нет литературы, общества, то это не время истории, а мое время, как у всех, за 50 пошло, высоко вырос, крепость в сучьях, в себе самом и что живешь сам по себе. Просто я попал в Старше, и нет возможности собраться с другими под дерево, а другие уже должны собраться подо мной, и мне это незаметно.

А солнце над собой я чувствую и какую-то беспредельность мира...

22 Сентября. Что есть художество? Вот какая-нибудь пичужка сидит на ветке, шишук долбит и носик у нее кривой и, с одной стороны, линия этого носика есть часть траектории чего-то огромного, вроде Марса, а с другой, это великое предостерегает сердце умильно, понятно, ответно — восхищение от пустяка и пустяк это все.

27 Сентября. Мой посев приносит плоды: всюду зовут писать. Между тем я ничего не уступил из себя: жизнь изменяется.

1 Октября. Отлично играют на дудочках в нашем краю пастухи на заре, и такое счастье услышать до восхода солнца эту мелодию. Но в нашей деревне пастух играет из рук вон как плохо, и так бывает обидно слушать его и знать, что в других деревнях в это время слышится чудесная музыка. И так каждое утро в тот час, из-за которого я и живу на свете. Так просто бы взять и переехать в другую деревню, где хороший пастух, но как с семьей переедешь, никто не поймет, что переезд совершается из-за пастуха.

2 Октября. Ночью хватил мороз. На рас-

свете поднялся туман: земля белая и над землей муть. Мороз дернул даже встретиться с солнцем, и не сразу оно его сокрушило: туман не давал долго проникнуть лучам. Но нет, солнце свое взяло: на открытых местах, на кустах везде мороз росой обдался, и стало в траве мокро, как после самого сильного дождя. Лучи пробивали туман, и вблизи показались золотые березы и зеленые ели, а между елями и березами стало синим. Потом это синее и дальше, все дальше становилось на место тумана, и только в самой дали леса просто были закрыты туманом, и виднелись над белыми, золотыми, красными березами, как кровля сказочных зданий.

Одну поляну, окруженную золотыми березами и устланную золотыми листьями, солнце прогрело: под деревьями был еще белый мороз, а на середине поляны золотой выбежали на солнышке погреться рябчики. Я разогнал их и, устроившись на пне, решил подманивать.

Вокруг меня были ромашки и полевые астры, ромашки поджали к стеблю от мороза свои белые лепестки, на астрах замерли шмели. Я тронул одного, и он упал на землю как мертвый.

Роскошно светило и грело солнце, шмели на астрах замахали лапками. Высыхала середина поляны, не сверкала больше роса, по сухой листве сойки бежали и рябчики с большим шумом.

Отогрелись листья на деревьях и вдруг — я думал, птицы — стали сыпаться, один падает на другой, сбивает его, этот, падая, сбивает третий, а то один сразу собьет десяток, и те тоже, на одном дереве, на другом — всюду посыпались листья с тихим шепотом: ши-ши, ши-ши, мыши, мыши, мыши!

И вдруг посыпалась убитая ночью листва, падая на землю, присоединяясь к другим листьям, сухие листья как будто шептали все одинаково: мыши, мыши, мыши.

К полудню везде так разогрелось, что стало жарко, и роса оставалась только на озирах: озиры густая, зеленая, сочная, блестя всеми огнями.

Но были в темном лесу в густых зарослях еще куски земли, покрытые белым морозом. Я и там побывал и, хлебнув солнца с морозом, отлично чихнул себе на здоровье.

Далее над гумном сошлись два больших каравана журавлей, и отдельные птицы стали перебегать от одного каравана к другому. Это возмущало вождей, они бросились наводить порядок, и все спуталось, закружилось. Обрадованный больше всего этим синим покрывалом лесов, я не дождался, чем кончилось у журавлей, побежал домой и лег спать.

Я засыпал, казалось, навеки, и мне казалось, будто уносил я с собою туда радость и полноту жизни. Я уснул, и надо мною, вечно зеленая, темный дуб склонялся и шумел.

4 Октября. Во всякой деревне всякая хозяйка хлеб печет по-своему, и любой человек, не зная, кто подал ему кусок, попробует и скажет, что "Акулькин хлеб".

Кооперация. Коммерческий подход.

Идеалист по должности: он имеет дело с идеей кооперации, ему ее нужно проводить, и как бы ни было плохо вокруг, для него не может быть безнадежным, раз у него цель и вопрос сводится ко времени. Он не может удовлетвориться коммерческим подходом.

6 Октября. Наша родина бедная, потому что несколько веков воевала с Востоком и Западом: непрерывная почти война сделала ее бедной, и от бедности все ее пороки и все добродетели.

Это от бедности своей она совершенно инертна в общественных начинаниях, потому что бедный человек думает только "абы существовать" и начинание считает роскошью.

Бедный человек недоверчив к другому, ему невозможно ни на один час сорваться со своей "липочки" и начать что-нибудь новое вне лично-материального.

И вот почему идея кооперации попадает в трагическое положение: она не должна быть идеей, а только делом, и дело общественное должно исходить из личной выгоды. Поэтому вся кооперация раскололась на две половины, кооперация идеологическая и кооперация, как дело личной выгоды.

Идейно-государственный кооператор подходит к бедняку идейно, возбуждая его гражданское самосознание. Такой подход может быть при состоянии бедности оскорбительным; не имеющий возможности сдвинуться с места, обращает свой гнев на оратора и бросает ему в лицо вопрос: много ли дохода имеет он от своей пропаганды.

9 Октября. Все, конечно, зависело от питания и ухода — это уж верно! — все зависело от крепости нервных нитей, и крепость их от прежнего питания, и этим все объяснялось. Но был человек с очень тонкими нервами, наследованными от предков, ни-

каким питанием сам он не мог притупить свою чувствительность и, как лист на осине, трепетал от малейшего ветерка, так и он весь трепетал от разных веяний духа и даже все его питание — съест ли или не съест, много или мало, зависело от прочитанных строк, от письма, от случайной встречи. Вся его жизнь зависела только от духа, и вот вдруг случилась революция, вы поняли и утвердили в ваших советах, что жизнь зависит от питания, что это одно только важно.

11 Октября. Всякий артист сидит в индивидуальном гнезде, и его невозможно пересадить на общественную почву, как белый гриб. В народе говорят, что не только пересадить нельзя боровика, но и шевельнуть, прикоснуться и даже и посмотреть его рост: как посмотрел, так он и перестанет расти. И артист, как боровик, имеет тончайшие норки и живет только естественно, прилюбилось место — и сел.

13 Октября. Революцию народ понял, как натуралист человек в борьбе с формалистом-чиновником: "Вот я с тобой рассчитаюсь по-своему". Значит, как беззаконие. Но законов революции, то, что заключено в кабелистику СССР, он не понимает, и правда, всякому очень трудно понять закон беззакония.

Поворот налево в литературе. Времено? Или конец. Вероятно, добьют. И литературы русской не будет, как нет вообще в Европе литературы о самом человеке: сам человек исчезает, остается рабочий аппарат. Процесс европеизации.

Литература будет личное дело, как и религия, и личность ее сохранит до новых далеких времен. Мы же все пропадем, как средневековые мастера и наши кустари.

17 Октября. Есть ли на всей Руси такой сильный человек, чтобы, пройдя через все беды, сохранил бы свое лицо?

23 Октября. Бедная жизнь! Нет просвета бедности, никакой надежды отдохнуть и нечаянно обрадоваться. И все бы ничего, но люди очень испортились: страшно под конец возненавидеть человеческую тварь.

В лесу как будто все к тебе подкрадываются, и точно так же и в жизни: вот-вот хватят тебя из-за угла. В сущности, живешь вполне невинно, каким-то зайчиком, но ведь зайцев как раз и бьют больше всех.

1 Ноября. У многих в Москве есть прекрасные квартиры, у многих бедные, но уютно, тепло и сухо. У меня сырая дыра вроде дворничьей, куда я приезжаю торговать своим товаром. Но я не завидую. Никогда!

У меня на этот счет своя философия, впрочем, всем необязательная. По-моему, все зависит от начальной заправки, если кто привык ходить в лакированных башмаках, тот так и будет этого достигать и достигнет (не говорю о неудачнике). Так если бы заправ у меня был адвокатский, так и у меня бы сейчас квартира была, хотя, может быть, я сам не был бы адвокатом, а сидел в Кожтресте.

Я жилал и в Париже — все было. Но моя заправка, основное: хижина. Люблю слушать ветер в трубе и оставаться тем, кто я есть. Ничего не устроив возле себя, только было бы тепло переночевать. Я беру устроенное: лес, поля, озера. Лес, перо, собак. В городе я добываю деньги и, добыв, увожу в деревню: там я счастлив, пока у меня остается в кармане 1 р.75 к.

5 Ноября. Откуда у нас взялась бедность? Надо это узнать, чтобы судить русского человека, потому что все пороки его идут от вековой бедности. Пороки несомненные, бесчисленные и при порочности желание быть хорошим до того напряженное, что при малейшем упреке русский человек становится на дыбы: самолюбие его болезненное, заостренное.

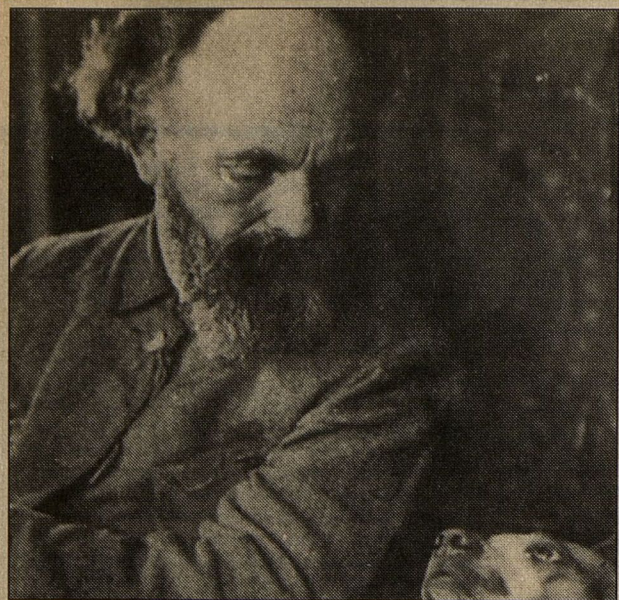
При малейшем промахе в деле нового неопытного человека русские люди издеваются над ним, смеются зло, уничтожающе, что хоть провалился.

Все хорошее русского человека берегается в глухих местах, в стороне от цивилизации, но это при малейшем прикосновении к цивилизации прокисает.

При этом это страшно талантливы народ, если судить по тому, чего он достигает в своем гении. В России обыкновенному хорошему человеку невозможно жить от талантов беспутных людей, ничего не признающих, кроме себя.

...И рядом чаение... где-то непременно есть хорошая, настоящая Россия. Выход из этих верных, но противоречивых настроений — разум, исследование, в простом слове...

(Окончание на стр. 15)

Чем глуше деревня, тем люди натуралистей, чище, а управление хуже: на глухие места людей не хватает. И чем ближе к городу, тем жители мельче душой, но зато в управлении можно встретить людей и очень порядочных, во всяком случае опасных, потому что чуть что, можно и в город обратиться, а там непременно заступятся.

6 Ноября. Только если в себе самом выстроил дом и помотришь на людей из окошечка этого никому невидимого и незаметного жилища, можно любить их и так сохранять себя самого от расхищения злобой (вот это независимое от людей существование у простых людей относят к нездешнему миру, тут Бог).

9 Ноября, в конце концов, да, правильно думает тот, кто не книжку кладет в основание деревенского обновления, а столб с электрическим проводом. Завтра в деревне у нас будет поставлен этот столб, и да, конечно, это событие неизмеримо больше, чем открытая две недели тому назад избачитальня.

Удивительно, что и после революции, когда каждый испытывал на своей шее, в каких условиях добывается черный хлеб, все-таки многим деревня остается загадочной, и одни презирают ее просто, другие косвенно: думают просвещать ее посредством дешевых книжечек, ценою в 3-5 копеек.

Вот неправда! В деревне есть читатель, один-два на деревню, и так далеко ко всему необязанному пространству можно ехать от деревни к деревне, от читателя к читателю. И этот читатель, настоящий землероб или кустарь, может все читать, купить книгу или достать у другого настоящую, какую читают все граждане, а не только люди, добывающие хлеб из земли. Читатель, как и писатель, рождается, а масса занимается чтением, если есть досуг. Электрический столб разрешил вопрос о массовом чтении.

Наша читальня открылась две недели назад, когда еще было тепло, теперь она замерзла, в ней никого нет и нет ничего, кроме изодранного комплекта "Прожектора", который я, несмотря на вражду ко мне общества, все-таки послал.

Да, это покажется очень странным, почему я, писатель Михаил Пришвин, считаю врагом общества, и ко мне пришли отобрать у меня стул для читальни, но не попросить денег и газет. Другое дело, если бы я был Максим Горький, писатель, враждебный деревне, активный человек, желающий все в деревне переделать по-своему. Но я... как это я попал в такое положение?

Я живу в деревне, как вы живете в городе, я не дачник - живу и зимой, не обыватель, потому что у меня нет ни дома, ни коровы, вообще никакого имущества, я просто жилец. Правда, я делаю небольшие исследования быта и промыслов, но это больше для заработка и для виду и отчасти для писательской гигиены: непременно нужно в какой-нибудь точке соприкоснуться с жизнью, наблюдать, читать и типы эти постоянно перебаривать. Меня, как писателя, обогащает, все равно если бы я жил в городе, я бы тоже по профессии своей наблюдал.

Я не один такой жилец в нашей деревне, нас довольно много: мы - жильцы, и на другой стороне хозева.

Я не подходящ к деревне, чтобы разделить ее жителей на хозяев и жильцов. Такой подход соответствует моему общему пониманию, моей домашней социологии в разделении всех людей на два класса: сидящих и странников (например, "народ и интеллигенция", или как в Апокалипсисе "Сидящий" и "взывающий").

Мы - жильцы. И я хорошо знаю, что если хозева подадут на меня в суд с целью выгнать из занимаемого мной вымученного дома, то все жильцы станут за меня. Это какой-то негласный комитет бедноты внутри деревни, и если бы дело пошло в расчет, то волей-неволей мне пришлось бы сражаться на стороне жильцов.

24 Октября (отсюда в подлиннике даты повторяются). Художник в тумане подкрался к лебедям с ружьем очень близко и стал целиться, но подумал: "Так близко, что можно и не картечью, а мелкой дробью и по головам, так больше убьешь". Переложил патрон, прицелился, и только бы спустить курок, вдруг ему стало так, будто он в человека стреляет. Опустил ружье, долго любовался и тихонечко, не спугнув, отошел.

Красота лебедя покорила даже грубых охотников. Между тем, лебедь злая птица, где лебедь, там ни гусям, ни уткам, лебедь убивает их. А так верно и должно быть: это не злость, а власть красоты?

26 Октября. Нет, это не смирение, если я надену на себя пудовые вериги и свинцовый крест, смирение - это значит, жить просто, обыкновенно, "как все", то есть зарабатывать себе кусок хлеба и устраиваться, насколько позволяют средства, все-таки получше, почище. Если же замутится вся душа от скуки, надо придумывать развлечения, ничего, если

выпить иногда, сыграть в карты - вот это настоящее смирение, или сходится в кинематограф или в театр. Да, больше нет этого смирения, чтобы жить совершенно как все, не отказываясь даже от воскресных визитов и устраивая так, чтобы все считали тебя за самого обыкновенного, нашего человека. На свете нет никого, даже самого бездарного, кто смирившись так, не нажил бы себе радости жизни, если даже ему не повезет совсем, затрепет лихорадка, или дочка родится какой-нибудь кривоножкой, или завихрится жена - все равно! Будет человек болеть, страдать, но всегда с надеждой на счастье, а болезнь с надеждой на выздоровление - не болезнь.

Но если, положим, кто-нибудь по природе своей нетерпелив и может работать только взрывами, и как бы поэт, художник в существе своем, и смирение окончательное ему смерти подобно, - он может в минуты упадка забавляться поэзией обыденности, как было у Льва Толстого: пахал! Да, это было: граф па-хал и писал великую книгу свою "Крут чтения".

28 Октября. Звездная и на редкость теплая для Октября ночь. В предзвездное время я вышел на крыльцо, и слышно было - только одна капля упала с крыши на землю. При первом свете заворожился туман, и Ботик показался на берегу бескрайнего моря...

Я любовался узорами совершенно безлистных деревьев на ясном небе, березки были как будто расчесаны книзу, клены, осины вверх. Драгоценное и самое таинственное это время от первого света и до солнца: мы были свидетелями, как в этот час родился легкий морозец, просушил и поделил на земле старую траву, позатынул лужи тончайшим стеклышком (развить: рождение мороза).

При восходе солнца в облаках показался Никитский монастырь и так надолго повис в воздухе. В солнечных лучах явилось, наконец, из тумана и озеро. ** Так все было увеличено: длинный ряд крикв показался фронтоном наступающих солдат, а лебеди были как сказочный белокаменный город, выходящий из воды.

Показался один летящий с ночевки издали тетерев, и с другой стороны - другой, один за другим они полетели к озерному болоту и, верно, в те же самые минуты еще летели из других мест в условленное место. Когда я пришел туда, они уже собрались большой белой стаей и токовали на болотах так же, как и весной.

Я долго думал, как различить этот позднесенний день от ранневесеннего, и так установил, что узнать это можно только по ярко зеленоющей теперь осенью озиме, да что вот земля нам теперь почему-то не пахнет как весной. Еще, может быть, по себе, что не бродит внутри себя весеннее вино и радость не колот: радость теперь спокойная, как бывает, когда что-то отболит, радуешься, что отболело, и с грустью одумаешь: да ведь это не боль, а жизнь прошла! Было озеро в большой заимок совершенно черное в ледяном кольце, и каждый день кольцо его сжимало все сильнее, и все черней была вода в белых берегах. Теперь опять расколослось кольцо и освободившаяся вода сверкала, радовалась. С гор неслись потоки, шумели, как весной.

Но когда солнце закрылось облаками, оказалось, что только благодаря его лучам видны были и вода, и фронт крикв, и город лебедей; оказалось, это был густой туман, как только закрылось солнце, туманом закрыло и озеро, и лебедей, остался только висящий в воздухе высоко над землей Никитский монастырь.

31 Октября. Когда думаю о литературе - что сделал для нее Андрей Белый, то чувствую себя совершенно ничтожным: какой я литератор! Но в то же самое время упор в жизнь у меня так велик, что в наше время равным себе считаю только Горького и Гамсуна. Вероятно, этот "упор в жизнь" и есть Бог, неназываемый товарищ, представитель мирового творчества... Бог - это сердцевина, сердцевина мира, которая идет со мной: все великие произведения Достоевского, Толстого и других написаны в отношении к этой сердцевине.

Цель художника ввести как будто случайные моменты жизни в соотношение с общим процессом мирового творчества посредством особо сильного ощущения творчества, называемого чувством красоты (эстетика). В этом и есть "выпрямляющая" (Успенский) сила художественных произведений: читатель, созерцая произведение, сам начинает из своей жизни творить легенду. Одни художники гибнут, сводя это свое дело к "полезному": моралисты, богоскаты; другие из опасения такого конца, делают эстетамы, ориентируясь на "беспольное", и ужасно смешно, что для этого жертвуют своей природой (например, Кузмин, *** педераст и "жена" его Л., который, сделав через Кузмина карьеру, женился!).

5 Ноября. Пустота непременно входит в состав души поэта, все равно как на мельничном колесе пустые ящики, в которые льется вода. Льется чужая жизнь в пустоты поэтического колеса, и тут принимается на мгновение как своя собственная, а этот миг пребывания чужого в своем дает не менее полезное движение, чем тоже очень кратковременное наполнение пустой ячейки турбины. Душа поэта непременно должна быть как турбина.

Душа ребенка - душа поэта, и вся разница, что душа ребенка совершенно свободна, а у поэта вокруг нее передаточный ремень мастерства.

Часто говорят и про седых людей: "ребенок!" - а что это значит?

1) Ребенок мыслит, исходя из непосредственного чувства приятного и неприятного, и непременно образным, если же встречается с понятием, то спрашивает свое "почему?".

2) Ребенок работать может только играя, то есть занимаясь.

3) Ребенок играет, взрослый работает.

11 Ноября. В этой прекрасной квартире, высокой, светлой, сухой и теплой, какое наслаждение проводить зиму: зима лучше лета! Да, не бывает дня, чтобы я не сказал себе: как хорошо! А удивление! Снег и ни одного человека, если же и попадет, то какой он бывает хороший! И как жутко иногда бывает подумать о какой-то литературной общности в Москве, где сами себя коронуют Демьян Бедный, Владимир Маяковский, Борис Пильняк. Таланты? Очень может быть, да провались они с талантами, и разве я тоже не талантлив? Если бы талант не давал бы мне возможности жить почти свободным человеком, наслаждаться уединением, питающим любовь к человеку, зверю, цветку и всему,

(Окончание. Начало на стр. 8-9)

разве я стал бы заниматься и носиться с этим писательством?

5 Декабря. Существенно новое после революции в русской жизни, что вопрос применения современной техники для промышленности и земледелия стал плотной: явится машина - будет жизнь, не явится - разложение вплоть до порабощения всех.

В свете этого нового в русском быту чувства вспоминается бывшее отращивание русского туриста в Германии, когда население города в воскресенье выходит ins Grune с бутербродами. Мы смеялись над этим, сопоставляли русское странствование по диким лесам. Но теперь видишь ясно, что свобода наслаждения природой оправдывается только соответственной суммой труда, истраченного на ее использование и на охрану.

Словом, так: мечта о девственной природе, соединенная с грустью об исчезновении ее, становится действительной мечтой, если признать, что машина же может быть использована и для охраны девственной природы и преобразования земли.

Надо истребить в себе последние остатки вражды чувства с разумом, только тогда может освободиться из плена чувство природы и даже чувство религиозное.

3 Декабря. Существенно новое небывалое для всего мира явилось из русской революции: никогда на свете не было такой массы людей, единодушно понимающих, что война есть только зло и не такое неизбежное, как смерть, а вполне устранимое.

Второе следствие революции имеет значение только для России. У нас до революции сознание всех, от мужика до самого культурного человека питалось презрением к цивилизации, которая там и тут начинаясь, в России сопровождалась разложением быта. Огромное большинство людей в России, в душе исповедывая религиозно бегунов, чужались цивилизации и уходили в дебри, доставая со дна их религию непротивления злу. Теперь вопрос о машине поставлен ясно: она единственное средство сохранить от разрушения дары природы, что машина разрушает только видимый мир, не касаясь сильного творческого духа, который, как пар, сжимаясь от цивилизации, порождает действительную мечту преобразования мира и для этого пользуется средствами самой цивилизации.

11 Декабря. Бывает так, что неудача оставляет сознание недостатка своей личности в сравнении со средой - тогда открывается путь к самосовершенствованию или к самоубийству, а бывает горе от ума, неудача от того, что среда ниже тебя самого - какой же открывается путь в этом случае? Поиски иной лучшей среды, где можно лучше жить. Вот, вероятно, откуда у меня теперь является желание уехать из России... Я никогда этого не испытывал, это совершенно новый этап моего самосознания, я всегда раньше думал, что у нас есть какая-то высокая в моральном и умственном отношении среда, куда я нет-нет и загляну. Личности, конечно, и теперь есть, но они не составляют среды, они, как монады, блуждающие по далеким орбитам.

15 Декабря. Сегодня был чудесный заимок! Это бывает очень редко, в то время, когда по-настоящему бы надо давно лечь зиме, удается светлое утро с легким морозцем, бриллиантовое, отгорит все на одной стороне и сразу перекинется на другую, вечернюю сторону. Проведешь такой день в лесу, вспомнишь ночью, и оказывается середины, то, что называется днем, вовсе и не было. Чудеса утра и вечера сдвинулись, середина выпала - вот какое счастье бывает изредка - возле времени солнцеворота. Так и дни нашей жизни изредка складываются без середины. Правда, подумайте, как люди живут? Они не переходят от радостей к горю, и от горя к радости, одно порождает другое, и так все идет. Но это и хорошо было бы, если бы так, тогда бы вся жизнь проходила волшебной сказкой. Эх, не горе страшно, не смерть, а тот пустой промежуток между горем и радостью, между любовью и смертью, та середина, что в природе называется не утром, не вечером, когда птица не поет и зверь не рыщет; птица клюет, зверь насыщается, то это называется обыкновенным существованием, скупая связь зари утренней и вечерней, начал и концов.

За то я и люблю так особенно редкий день в природе около зимнего солнцеворота, когда не бывает в нем середины, а только одно бриллиантовое утро и вечер, темных зубчиков леса, чередой уходящих по красному небу, не исчезающих в тьме вплоть до восхода луны. Так бывает в природе - волшебство связывается утром и вечером, и так я тоже хотел бы в простом задушевном рассказе связать свою жизнь и чужую, сделать как будто все было свое.

31 Декабря. Мы, безбожники, поминали эту религиозную женщину, она никогда не молилась дома, не ходила в церковь, только работала и любила нас, требуя только одного, чтобы мы не смеялись над Богом. Так все шло многие годы, дети выросли, ничего не слышав в школе о св. истории, не зная ни одной молитвы от матери. Но они вышли хорошие люди, потому что мать вечно их наставляла, следила за ними, на каждом шагу доказывала им свою любовь и к ним, и к разным честным людям, нищим, погорельцам. Сознают ли эти дети когда-нибудь, что их лучшее - это действие неназванного Бога их матери?

Я бы мог примкнуть только к той революции, которая взялась бы освободить Бога от плена человеческого.

* Имеется в виду книга немецкого экономиста К. Бюхера (1847 - 1930) "Работа и ритм".

** Плещеево озеро в Переславле-Залесском.

*** Кузмин М.А. (1872 - 1936) - поэт.

Публикация подготовлена Я. ГРИШИНОЙ

● Пришвин и проводник Осип в пинежских лесах. 1935 г.
● Пришвин, конец 30-х годов

Экран и сизис -